

Къ биографіи Н. А. Некрасова.

"Историческій вестникъ", 1891. Т. 43, No 2.

Почти во всехъ биографіяхъ известнаго поэта Н. А. Некрасова разсказывается, что на него лично и на его литературную деятельность имела сильное вліяніе нищета, будто бы перенесенная имъ въ Петербургѣ, въ дни юности, и доходившая до того, что онъ, не имея средствъ заплатить за бедный уголь, былъ выгнанъ на улицу, и дрогнулъ отъ холода, что въ этомъ беспомощномъ положеніи надъ нимъ сжалился какойто нищій, который увелъ его съ собою въ отдаленный ночлежный пріютъ, где Некрасовъ добылъ себе кусокъ хлеба, составивъ прошеніе и получивъ за него 15 копеекъ и т. п.

Не решаясь опровергать такую яркую картину, я хочу разсказать здѣсь лишь о моемъ случайномъ знакомствѣ съ Некрасовымъ именно въ то время, когда онъ только что пріехалъ въ Петербургъ. Разсказъ мой будетъ очень коротокъ, потому что я самъ былъ тогда почти ребенкомъ, не могъ предвидеть, что Некрасовъ сдѣлается впоследствии известностью, не обращалъ на него вниманія и не сохранилъ въ своей памяти никакихъ подробностей.

Отецъ мой, известный въ свое время писатель и патріотъ Сергей Николаевичъ Глинка, встрѣтился съ Некрасовымъ въ 1839 году у своего кума Н. А. Полевого, заинтересовался имъ, и, не зная вследствие какихъ причинъ, предложилъ ему учиться у него французскому языку. Съ этого дня, Некрасовъ сдѣлался частымъ посетителемъ нашего дома. Какъ теперь вижу его, передъ столикомъ, читающаго по-французски вслухъ съ забавнымъ выговоромъ. Некрасовъ скоро сошелся съ старшимъ братомъ моимъ С. С. Глинкой (еще живымъ до сей минуты) и поселился вместе съ нимъ на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы, въ доме занятомъ теперь гостинницей "Москва". Они занимали въ третьемъ этажѣ несколько комнатъ, прилично убранныхъ собственной мебелью, перевезенной братомъ съ старой квартиры на Литейной, где у него была типографія. Вся мягкая мебель была обита матеріей краснаго цвета; упоминаю объ этомъ потому, что по отъезде моего брата изъ Петербурга, Некрасовъ, при встречахъ со мной, постоянно требовалъ эту мебель, хотя, по словамъ брата, она вовсе ему не принадлежала. Когда я заходилъ къ брату, то, большею частью, заставалъ Некрасова лежащимъ на диванѣ; онъ постоянно былъ, или казался, угрюмымъ и мало разговаривалъ. Помню, что въ то время онъ написалъ стихами афишу для "Кабинета восковыхъ фигуръ", помещавшагося у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта. У меня даже осталось въ памяти несколько стихивъ изъ этой афиши:

"Иванъ Иванычъ Штейнигерсъ
"Съ саженой бородой:
"Онъ былъ въ немецкомъ городе
"Когда-то головой!
"Вотъ и Вильгельмъ Васильевичъ
"Тель, парень удалой,
"Онъ храбро дрался съ немцами
"За городъ свой родной!"

За составленіе афиши Некрасовъ получилъ двадцать пять рублей. Плодомъ занятій Некрасова французскимъ языкомъ былъ переводъ драмы "La nouvelle Fanchon" подъ заглавіемъ "Материнское благословеніе", имевшей большой успехъ на русской сценѣ и долго не сходящей съ репертуара. Помню, что Некрасовъ срезался на вступительномъ экзаменѣ, въ университетѣ, чуть ли не изъ закона Божія, и по этому поводу, съ горя, было выпито полъ-ведра водки въ обычной компаніи сожителей, состоявшей изъ артистовъ Александринскаго театра: Самойлова, Мартынова, Максимова и др. Съ братомъ моимъ Некрасовъ прожилъ съ 1839 по 1841 годъ и въ это время, могу удостовѣрить, ни въ чемъ особенно не нуждался; впоследствии же, работая для театра и участвуя въ журналахъ, онъ темъ менее могъ нуждаться. Онъ любилъ, по доброй охотѣ, странствовать по петербургскимъ трущобамъ и когда попадался въ полицію,

то назывался фамилией брата, бывшего тогда редактором неофициальной части, "Губернских Ведомостей", почему его тотчас же отпустили на все четыре стороны.

Въ 1846 г. Некрасовъ приходилъ къ моему отцу съ предложеніями купить право на изданіе "Русскаго Вестника", но опоздалъ, потому что отецъ уже заключилъ условіе съ Ф. В. Чижовымъ, намеревавшимся продолжать этотъ журналъ вместе съ Ю. Ф. Самаринымъ, адъюнктомъ академіи Куникомъ и А. В. Старчевскимъ, черезъ котораго собственно и велись предварительные переговоры. Задатокъ въ 500 р. золотомъ уже былъ полученъ отцомъ, но известная невзгода, постигшая славянофиловъ, неожиданно помешала осуществленію дела.

Помню еще, что въ 1848 г. въ литературныхъ кружкахъ говорили, будто Некрасовъ скупилъ оставшіеся экземпляры "Полнаго собранія сочиненій Гоголя", стоившіе по 8 р. за экземпляръ и продавалъ ихъ по 25 р. По этому поводу, А. А. Краевскій сказалъ: "Некрасову хоть битымъ стекломъ торговать".

Сообщено **Ф. С. Глинкой**.